

ФИЛОСОФИЯ МАРКСИЗМА И НЕОПОЗИТИВИЗМ

ВОПРОСЫ КРИТИКИ СОВРЕМЕННОГО ПОЗИТИВИЗМА

Сборник статей

под редакцией Т. И. Ойзермана (председатель редколлегии),
А. С. Богомолова, В. С. Зенина, И. С. Нарского

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1963

НЕОПОЗИТИВИЗМ И ВОПРОСЫ ЭТИКИ

Один из вопросов, который стоит в центре внимания этической концепции неопозитивизма,— это вопрос о соотношении между наукой и моралью. Этот вопрос имеет два аспекта:

а) может ли мораль иметь научное основание, могут ли моральные суждения и оценки быть истинными и соответственно ложными?

б) может ли наука иметь моральные цели или она безразлична к морали? Должен ли, следовательно, ученый размышлять о моральных последствиях своих исследований, научных открытий при их практическом применении?

В своем анализе этических проблем неопозитивизм интересуется главным образом первым аспектом вопроса. Представители неопозитивистских течений, особенно логического позитивизма как такового, наиболее открыто отрицают возможность научного решения проблем этики, лишают мораль научного основания, полностью отгораживают науку от морали. Но тем самым неопозитивизм практически отвечает и на второй аспект вопроса; устраняет ученого от размышлений о том, каким целям служат его открытия, освобождает его от чувства моральной ответственности перед обществом, что, несомненно, выгодно силам реакции.

Каковы же те аргументы, с помощью которых неопозитивизм пытается обосновать свой основной тезис, что моральные суждения лишены научного основания и не могут поэтому быть ни истинными, ни ложными?

Займемся прежде всего выяснением того, как неопозитивизм определяет предмет этики как области философского знания.

Представители логического позитивизма (А. Айер, Р. Карнап, Ч. Стивенсон, Г. Райхенбах и др.) различа-

ют, в общем, несколько этик, каждая из которых имеет свой предмет исследования, а именно:

а) эмпирическая этика как составная часть психологии или социологии. Она описывает поведение людей и их моральные взгляды в различные эпохи, в том числе в современную. Исследования эмпирической этики, по их мнению, имеют научный смысл, ибо их можно подтвердить опытным путем и они представляют научный интерес с точки зрения выявления мотивов поведения.

б) Этика как нормативная дисциплина, но в чисто практицистском смысле, подчиненная политической, социальной и другим сферам деятельности и проверяемая в своем содержании через последние. Эта дисциплина имеет право на существование, поскольку она указывает, как добиться определенных целей, например, в политической области, как повлиять морально на людей, чтобы они считали себя счастливыми, чтобы подчинились данному правительству и т. д. Эта этика также не является областью философского знания; этой дисциплиной должны заниматься социологи.

в) Нормативная этика, формулирующая тот или иной моральный кодекс как якобы единственный или наиболее правильный.

г) Теоретическая этика, представляющая собой определенную систему этических категорий, понятий и взглядов, претендующую на истинность.

Положения этих двух последних этик, согласно неопозитивистам, не имеют научного смысла. Неопозитивисты относят их к «метаэтике», придавая в этом случае данному термину негативный смысл. Неопозитивисты утверждают, что эти два вида метаэтической интерпретации фактов «морального опыта» лишены научного смысла. «Современный анализ познания,— говорит Г. Райхенбах,— делает невозможным познавательную (cognitive) этику; познание не включает в себя каких-либо нормативных частей и, следовательно, не может объяснить этику... Стремление в течение двух тысяч лет создать этику на научной основе явилось следствием неправильного понимания познания, следствием ошибочного представления, что познание включает в себя нормативную часть»¹.

¹ Н. Reichenbach. The Rise of Scientific Philosophy. Berkeley — Los Angeles, 1951, p. 277.

Наконец, неопозитивисты выделяют еще этику, в задачу которой входит описание и логический анализ различных существующих теоретических, этических систем, выясняющий логические отношения между ними, а также логический анализ важнейших этических понятий и категорий в этих системах (добро и зло, поведение правильное и неправильное и т. д.). По мнению неопозитивистов, эти вопросы и составляют предмет этики, которая не должна иметь ничего общего с философией в прежнем смысле слова, но является научно-философской «метаэтикой» в положительном смысле этого термина.

Неопозитивисты отвергают ту задачу, которую ставят себе при анализе этических категорий другие буржуазные этические школы (интуитивизм, натуралистическая этика и т. д.), а именно выяснение того, какая категория в этике является главной, какая производной и т. д. По их мнению, логический анализ этических категорий должен только помочь выяснить вопрос о природе этических оценочных суждений, доказать, что они научно неосмысленны и поэтому являются псевдосуждениями. Иначе говоря, неопозитивисты хотят научно доказать невозможность научной этики.

Обращаясь к анализу добра как главной этической категории, представители неопозитивизма приходят к выводу, что добро неопределимо, его нельзя определить с помощью неэтических понятий, так как мы не можем найти в мире эмпирические факты, или «референты», которые соответствовали бы ему. Добро, говорят они, не описывает фактов и ничего не дает для познания тех фактов, к которым оно относится. «Этические категории лишены фактического содержания. Они не описывают ни одной черты той ситуации, к которой они относятся»², — говорит А. Айер. Иными словами, важнейшую этическую категорию, с помощью которой оцениваются поступки людей, неопозитивисты превратили в «ничто».

Исходя из принципа верификации, то есть из требования, что каждое суждение должно быть доказано в непосредственном чувственном опыте субъекта, неопозитивисты объявляют этические суждения псевдосужде-

---

² А. Айер. On the Analysis of Moral Judgements. «Philosophical Essays». London, 1954, p. 236.

ниями. Фиксация фактов не является задачей псевдосуждений и подтвердить их путем проверки фактов нельзя.

Отрицая научный смысл за этическими суждениями, некоторые представители неопозитивизма, в частности Р. Карнап и Г. Райхенбах, обращают внимание на грамматическую форму, в которой выражены этические оценочные суждения, в отличие от научных суждений. Всякое научное суждение, утверждают они, поскольку оно говорит о фактах, выражено в утвердительной форме. Что же касается моральных правил, то они выражены в форме повелительных предложений, являются «императивами», которые не указывают на то, что есть и чего нет, а говорят о том, что нужно делать. Карнап говорит, что сама грамматическая форма такого, например, этического правила как «Не убий!» служит главным доказательством того, что оно не имеет ничего общего с научным суждением: оно выражает лишь волю, желание какого-либо лица. Этическое суждение «Убийство есть зло», говорит он, ничем не отличается от вышеприведенного этического правила, ибо оно также не описывает факты, а лишь оценивает их. Что же касается утвердительной формы, в которой оно выражено, то она не соответствует его содержанию и служит поэтому основанием для заблуждения многих философов и моралистов, считающих этические суждения научными суждениями. «Но на деле,— говорит Карнап,— оценочное суждение есть не что иное, как приказ, выраженный в вводящей в заблуждение грамматической форме. Оно может влиять на поступки людей, и это влияние может соответствовать или не соответствовать нашему желанию. Но оно не является ни истинным, ни ложным. Оно ничего не утверждает, его нельзя ни доказать, ни опровергнуть»³. Об этом же говорит Райхенбах: «Лингвистические выражения в этике не являются суждениями. Они являются директивами. Директивы нельзя классифицировать как истинные или ложные; эти предикаты к ним неприменимы, потому что директивные суждения по своему логическому характеру отличаются от суждений, указывающих на факты»⁴.

---

³ R. Carnap. *Philosophy and Logical Syntax*, p. 24.

⁴ H. Reichenbach. *The Rise of Scientific Philosophy*, p. 280.

Но мы легко можем убедиться в том, что и научные суждения могут быть выражены в форме императивов, правил. На основании анализа фактов наука может формулировать не только то, что есть, но и то, что надо или не надо делать, каким методом следует пользоваться для того или другого опыта и т. д. Это показывает, что грамматическая форма не может служить «доказательством» ненаучности этических суждений.

Было бы неправильным утверждать, что наука и мораль не отличаются друг от друга. Наука имеет дело с фактами, не зависящими от воли и желания людей, она говорит о том, как и почему происходят те или иные явления. Мораль имеет дело с нормами человеческого поведения, с оценкой поступков людей, она формулирует требования к поведению людей. Если законы науки, как мы говорили, не зависят от воли и желания людей, то нормы, формулируемые моралью, выражают требования определенного класса, общества, — требования, которые имеют конкретно-историческое содержание. Моральные нормы выражают волю лиц и общественных классов.

Но эта воля не является случайной. Она в конечном итоге обусловлена объективными экономическими условиями жизни тех или иных классов и их классовыми интересами. Эти интересы могут совпадать с тенденцией общественного развития или, наоборот, противоречить ей. Это значит, что можно научным образом, обращаясь к законам общественного развития, найти объективное содержание моральных норм того или иного класса и дать им научную, объективную оценку. Так, например, моральное требование коллективизма, солидарности между тружениками социалистического общества является правильным, истинным, поскольку оно выражает объективную потребность в развитии социалистического способа производства, в укреплении общественной собственности на средства производства, пришедшей на смену частнособственническим отношениям. Задача этики как науки о нравственности и состоит в том, чтобы показать закономерное развитие нравственности, закономерность смены старых норм нравственности, характерных для общества, основанного на антагонизме классов, новыми нормами, соответствующими назревшей потребности создания и укрепления нового общества без

антагонистических классов, без эксплуатации человека человеком.

Мы никак не можем согласиться также с тезисом неопозитивистов, что моральные оценки, поскольку они не описывают факты, ничего не дают для познания тех явлений, событий, поступков, к которым они относятся. Моральные оценки выявляют общественное значение поступков и устанавливают, являются ли они добром или злом. Мораль формулирует определенные требования к поведению людей, оценивает их поступки и тем самым направляет их. Итак, мы видим, что моральные нормы и оценки не являются произвольными предписаниями: они имеют объективное содержание; они истинны в том случае, если выражают потребности общественного развития, интересы его будущего.

С другой стороны, наука также не лежит вне области морали. Сами по себе научные открытия, конечно, этически нейтральны. Но наука служит социальным целям. Ее исследования и открытия могут служить интересам передового человечества, облегчать труд человека, создавать большие возможности для развития личности. Но они могут быть обращены и на иные цели — цели войны, истребления людей, уничтожения материальных и духовных ценностей. Честные ученые капиталистических стран имеют серьезные основания опасаться, что их открытия могут послужить аморальным, агрессивным замыслам врагов мира и человечества. Те, кто в соответствии с этикой неопозитивизма утверждают, что не дело науки решать вопрос, каким целям служат ее открытия, и рекомендуют воздерживаться от суждений относительно угрожающих человечеству опустошений от применения ядерного оружия, практически становятся соучастниками преступлений против человечества. Ученый не может быть «свободным» от вопросов, которые ставит общественная жизнь, не может быть равнодушен к тому, каким целям служит его научное открытие — регрессу или прогрессу, угнетению или освобождению людей. Наука перестала быть «этически нейтральной» не только там, где речь идет об использовании законов общественного развития, но и там, где возникает вопрос об использовании законов природы. Вопрос о применении научных открытий не может не интересовать ученого; не может не тревожить его совести, ибо это вопрос,

касающийся судеб миллионов мужчин, женщин и детей.

Обратимся теперь к вопросу о том, какое же значение придают неопозитивисты моральным суждениям, что представляют, по их мнению, этические суждения?

Здесь мы встречаемся с целым рядом точек зрения различных представителей неопозитивизма. Но в своих основных выводах эти точки зрения мало отличаются друг от друга.

Одна группа неопозитивистов во главе с А. Айером, Р. Карнапом, Ч. Стивенсоном и др. считает, что моральные суждения и оценки имеют главным образом «эмотивное» значение, они выражают эмоции, чувства людей. В связи с этим взгляды этой группы получили в буржуазной литературе название «эмотивной этики». Но и у различных представителей «эмотивной этики» имеются некоторые свои оттенки в понимании данного вопроса.

А. Айер утверждает, например, что в моральных суждениях выражаются эмоции человека; значение этих суждений он видит в том, чтобы возбудить у других людей соответствующие эмоции и призвать их действовать в направлении, желательном для данного лица. Об эмоциональной функции моральной оценки говорит также основатель «Венского кружка» М. Шлик. «Моральная оценка различного вида поведения людей или их характеров является не чем иным, как эмоциональной реакцией общества на приятные или прискорбные обстоятельства, которые... исходят от различного типа поведения или характеров»⁵.

Р. Карнап и Г. Райхенбах рассматривают моральные оценки как «команды», «императивы», выражающие волю, желания людей. Эти «императивы» они считают «инструментами» воли человека, которые используются для того, чтобы оказать воздействие на других людей, заставить их поступать так, как хочется тому или иному лицу или группе. «Несмотря на то,— пишет Райхенбах,— что императивы не являются ни истинными, ни ложными, другие люди их понимают, и они поэтому имеют значение, которое может быть названо *инструментальным значением*»⁶.

---

⁵ M. Schlick. Problems of Ethics. N. Y., 1939, p. 78.

⁶ H. Reichenbach. The Rise of Scientific Philosophy, p. 282.

По мнению тех и других представителей «эмотивной этики», моральные оценки, в которых выражаются чувства, воля людей, лишены объективной основы, не отражают условия жизни людей, классов, не опираются на убеждения людей в отношении тех или иных явлений общественной жизни. Свое влияние они оказывают лишь с помощью самих слов, звуков, независимо от их содержания. «Эмотивисты» говорят о «магнетическом» влиянии языка морали на людей. Обособляя моральные оценки от всей области человеческого сознания, от нравственных убеждений человека, они утверждают, что моральные оценки «ничего не говорят о состоянии моего ума» и поэтому их можно выразить не только с помощью слов, но и иных звуков, жестов. «Императив,— говорит Райхенбах,— это лингвистическое выражение, которое мы употребляем с намерением повлиять на другое лицо, заставить его делать то, что нам хочется, или не делать того, чего нам не хочется. Действительно эта цель может быть достигнута с помощью слов, хотя это не единственный путь, чтобы добиться этой цели»⁷. Как и Айер, Г. Райхенбах считает, что слова можно заменить жестом, выражением лица и т. д. Все это служит, по нашему мнению, свидетельством нарастающего иррационализма неопозитивистов в рассмотрении ими вопросов морали.

Моральные суждения выражают не только эмоции людей, но и моральные убеждения, нормы, оценки, которые различны у различных классов. Да и моральные эмоции и переживания людей сами по себе никак нельзя считать неосмысленными. Эти переживания нельзя отделить от всей области нравственного сознания, характерного для индивидов того или иного класса. Выгнать пропасть между переживаниями человека и его разумом — значит становиться на путь метафизического расчленения человеческого сознания. Практически моральные чувства и убеждения неразрывно связаны между собой; и те, и другие определены социальными условиями жизни людей.

Чарльз Стивенсон, давший наиболее систематическое изложение воззрений «эмотивной этики» в книге «Этика и язык» (1944), пытается несколько смягчить иррационализм Айера и Карнапа и дать более «рационалистиче-

---

⁷ Н. Reichenbach. The Rise of Scientific Philosophy, p. 281.

ское» объяснение вопросам морали. Для обозначения содержания моральных суждений и оценок Стивенсон заменяет слово «эмоции» словом «отношение» или «позиция». Отношение или позиция уже не являются выражением аффективного состояния субъекта, а направлены на объект, выражают одобрение, желание субъекта в отношении объекта. В отличие от Айера и Карнапа, Стивенсон полагает, что наряду с главным эмоциональным элементом этические суждения включают в себя также элемент описательный, что дает уже возможность решать вопрос об истинности суждений.

Стивенсон указывает далее, что «согласие в этике может быть достигнуто с помощью доводов»⁸. Это создает видимость того, что Стивенсон отходит от субъективизма в вопросах морали. Но это не так. Доводы, которые, по мнению Стивенсона, могут подтвердить истинность или ложность моральных суждений, не имеют объективного содержания. Этими доводами являются опять-таки субъективные чувства и желания людей. *«Любое утверждение по любому вопросу, которое любой человек считает подходящим для изменения позиции, — пишет он, — может быть приведено в качестве мотива за или против этического суждения»*⁹. Таким образом, Стивенсон, так же как Айер и Карнап, не признает объективного содержания моральных суждений.

От крайнего скептицизма «эмотивистской этики» пытаются отгородиться целая группа неопозитивистов так называемой «оксфордской школы», к которой относятся Н. Смит, Р. Хейер, С. Тулмин и др. В буржуазной литературе их позицию иногда называют «объективным эмотивизмом».

В отличие от представителей «эмотивной этики», Хейер и др. рассматривают моральные суждения не как выражение чувств, не как подавляющие рассудок «команды», а как предписания, указывающие на то, что нужно и что не нужно делать. Предписание, говорят они, отличается от эмотивного знака, ибо для него можно найти соответствующее обосновывающее его суждение о фактах. Поэтому объективные эмотивисты из «оксфордской школы» отвергают «магнетическое» влияние слов и го-

⁸ Ch. Stevenson. *Ethics and Language*. New Haven, 1944, p. 136.

⁹ *Ibid.*, p. 114.

ворят об осмысленном влиянии точки зрения, позиции, выраженной в предписании. Предписания могут изменить поведение людей; отсюда, представители «оксфордской школы» подчеркивают практическую функцию самой этической теории, где формулируются те или иные предписания. «Задача этики, — говорит Н. Смит, — состоит в том, чтобы давать ответ на практические вопросы, из которых наиболее важными являются вопрос о том «Что я должен делать?», «Что я буду делать?»¹⁰.

Но различие во взглядах у представителей «оксфордской школы» и «эмотивной этики» относится больше к терминологии, чем к содержанию этих взглядов. Ведь предписания также выражают волю, желание людей, как и «команды», «императивы», и принципиально от них не отличаются. Предписания, как и команды, лишены научного смысла, о чем говорят сами представители «оксфордской школы». Так, Р. Хейер в книге «Язык морали» подчеркивает, что хотя предписания указывают на определенный факт («делай то-то!»), но они, в отличие от научных суждений, не раскрывают причины фактов¹¹.

Все это дает нам основание прийти к выводу, что оттенки, имеющиеся в этических взглядах различных представителей неопозитивизма, не вносят сколько-либо существенных изменений в главные, отправные принципы этики неопозитивизма.

*

✱

Представители неопозитивизма признают, что различные люди, группы людей по-разному оценивают одни и те же поступки. Но они субъективистски интерпретируют этот факт и считают вообще невозможным говорить о моральных оценках как о правильных или неправильных, истинных или ложных. Айер и Карнап считают, что каждый человек может осуждать или приветствовать ту или иную моральную оценку в свете своих личных чувств, но он не может спорить об истинности этой оценки, поскольку объективного критерия для ре-

---

¹⁰ P. H. Nowell-Smith. *Ethics*. London, 1954, p. 11.

¹¹ См. R. M. Hare. *The Language of Morals*. Oxford, 1952.

шения этого вопроса нет. «Поскольку оценочные суждения нельзя свести к суждениям о фактах, они, строго говоря, не являются ни истинными, ни ложными... У нас нет путей для доказательства, что точка зрения данного лица правильна. Один выдвигает одно правило, другие — другое, и решение о выборе между ними есть вопрос убеждения и в конечном итоге, вопрос индивидуального выбора»¹².

Поскольку, говорят неопозитивисты, моральные суждения не могут быть ни истинными, ни ложными, то ни одно из них нельзя считать несправедливым, его можно признать лишь несовместимым с моим суждением на этот счет. Отсюда следует требование терпимого отношения к любому суждению в области морали, независимо от его содержания, независимо от того, что оно, это суждение, может самым коренным образом расходиться с моим суждением. Американский эмотивист Э. Мур в статье «Эмотивизм: теория и практика» пишет: «Релятивизм способствует тому, что мы становимся терпимыми и умеренными, но он не разрушает нас. Чувство, которое соответствует нашей точке зрения о том, что все идеалы одинаково произвольны, не является ни нейтральным, ни тождественным чувству непостоянства. Это чувство есть чувство милосердия»¹³.

Итак, речь идет о терпимом, милосердном отношении к любой точке зрения, независимо от тех последствий, к которым она ведет. Каждый волен выбирать любые нормы морали, следовать любому образу действий, ибо «ни один образ действий не лучше и не хуже другого»¹⁴, «из двух противоположных образов действий нельзя предпочесть какой-либо один»¹⁵.

Но в действительности, как в этом нас убеждает анализ моральных норм различных классов и эпох, моральные суждения, как и научные, имеют объективный критерий истинности. Вопрос об истинности или неистинности моральных суждений, как мы уже говорили выше,

---

¹² A. Ayer. The Claims of Philosophy. «Reflection in Our Age». London, 1949, p. 62.

¹³ «The Journal of Philosophy», 1958, v. 55, No. 9, p. 380.

¹⁴ A. Ayer. The Claims of Philosophy. «Reflections in Our Age», p. 62.

¹⁵ A. Ayer. On the Analysis of Moral Judgements. «Philosophical Essays», p. 247.

решается в зависимости от того, выражают они или нет потребности общественного развития. Ф. Энгельс, говоря о трех типах морали, которые имеют хождение в капиталистическом обществе,— феодальной, буржуазной и пролетарской, показал, что «та мораль обладает наибольшим количеством элементов, обещающих ей долговечное существование, которая в настоящем выступает за низвержение современного строя, защищает будущее, следовательно,— мораль пролетарская»¹⁶.

Нравственность, устремленная в будущее, неотделима от борьбы за мир, за освобождение человечества от эксплуатации, от войн, от всех видов гнета, от борьбы за создание условий, обеспечивающих всестороннее развитие личности. Все, что способствует этой борьбе за мир и прогресс, все, что приближает победу нового общественного строя, не знающего эксплуатации и гнета, является нравственным. Это и есть тот объективный критерий, который позволяет нам решить, что является истинным, справедливым в современном мире и что является ложным, несправедливым. Следовательно, отнюдь не каждый образ действий в равной мере справедлив или несправедлив, как пытается нас убедить в этом Айер.

Этический релятивизм неопозитивистов показывает прежде всего неспособность их разобраться в острых проблемах современности, желание обойти эти вопросы и занять «нейтральную» позицию при решении острых социальных конфликтов. Неопозитивисты, правда, возражают против этого обвинения в свой адрес. Они пытаются убедить нас в том, что каждый «эмотивист» лично занимает твердую позицию при решении тех или иных вопросов, что релятивизм в теории отнюдь не ведет к релятивизму в поведении. Так, уже упоминавшийся Э. Мур пишет, что «эмотивизм, однако, не делает человека в моральном смысле калекой, неспособным привязаться к тем или иным идеалам на основании того, что он считает все идеалы произвольными»¹⁷. Об этом же говорит Айер. «Когда я говорю, что моральные суждения скорее эмотивны, нежели описательны, что они яв-

---

¹⁶ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат, М., 1950, стр. 88.

¹⁷ «The Journal of Philosophy», 1958, v. 55, p. 380.

ляются... выражением позиции и не являются суждениями о фактах и, следовательно, не могут быть ни истинными, ни ложными, или, по крайней мере, что для ясности лучше было бы, если бы к этическим суждениям не применялись категории истинности или ложности, то я, однако, не утверждаю, что ничто не является добром или злом, правильным или неправильным или что неважно, что именно мы делаем»¹⁸.

Мы не сомневаемся в том, что тот или иной отдельный представитель неопозитивизма может иногда правильно оценить определенные общественные явления и даже занять правильную позицию в решении того или иного важного социального вопроса, но это не устраняет вреда и опасности тех выводов, которые независимо от субъективных намерений отдельных представителей этого направления вытекают из их теории в целом. Практически их позиция в этике ведет к моральному цинизму, позволяет оправдывать любые преступления реакционных сил общества. Совершенно правильно говорит американский прогрессивный философ Б. Данэм, что «в момент несчастья, во время ужаса и бойни, он (позитивист. — К. Ш.) может только вздыхать и представляет нам только вздыхать: «Мне это не нравится». А тем временем виновники несчастья, ужаса и бойни отвечают, не прекращая своего занятия: «Нам это очень нравится»¹⁹.

Если руководствоваться принципом, что любой образ действия одинаково справедлив, то как можно осудить, например, попытки империалистов подавить стремление народов Конго и Анголы к независимости, попытки реакционных сил США задушить революционные завоевания кубинского народа и т. д.? На эти и подобные им вопросы неопозитивизм ответа дать не может, поскольку моральная оценка никогда будто бы не может претендовать на истинность. Подрывая уверенность людей в существовании истинной морали, неопозитивизм тем самым парализует их деятельность, оставляет их в полной нерешительности в отношении того, что нужно делать и как нужно жить, учит их покорности существующим буржуазным порядкам, сеет скептицизм по от-

¹⁸ A. Ayer. On the Analysis of Moral Judgements. «Philosophical Essays», p. 246.

¹⁹ Б. Данэм. Гигант в цепях. ИЛ, М, 1958, стр. 217.

ношению к революционной борьбе за прогресс. А от морального скептицизма до предательства путь может быть коротким. «Скептик превращается в колеблющегося, колеблющийся — в оппортуниста, оппортунист — в ренегата. Это не вопрос естественной испорченности. Это просто результат социального давления при отсутствии всякого критерия»²⁰, — как справедливо писал Б. Данэм. Недооценивать эти социальные последствия этической доктрины позитивизма мы не можем.

Релятивизм неопозитивистов означает, далее, отрицание всякого прогресса в области морали, отрицания того морального идеала, к которому следует стремиться. Если все моральные принципы одинаково истинны или неистинны, то тем самым снимается проблема морального воспитания людей, отрицаются те положительные примеры, на которых можно воспитать людей. Этим этическая теория неопозитивизма наносит огромный вред обществу. Английский философ-марксист Дж. Льюис в книге «Наука, вера и скептицизм» подчеркивает, что этика неопозитивизма лишает людей руководящих принципов жизни, «тех норм, с помощью которых они могут предпочесть один образ действий другому»²¹. Льюис говорит о том, что нигилизм неопозитивистов способствует росту иррационализма, особенно у молодежи, слушающей эту философию в университетах. На это указывают многие буржуазные критики неопозитивизма. В этой связи Льюис приводит в своей книге критические замечания в адрес позитивизма со стороны оксфордского профессора философии, одного из могижан «абсолютного идеализма» — Р. Коллингвуда. Коллингвуд говорит о том, что студенты, когда они слышат от своих профессоров, что последние не намерены им ни давать идеалов, ни внушать принципов, могут прийти к единственному выводу, «что для руководства в жизни, поскольку его нельзя ждать ни от мысли или мыслителей, ни от идеалов или принципов, нужно обращаться к тем, которые не были мыслителями (а глупцами), к процессу, который не был мышлением (а был страстью), к целям, которые не были идеалами (но были капризами), к прави-

---

²⁰ Б. Данэм. Гигант в цепях, стр. 167.

²¹ J. Lewes. Science, Faith and Scepticism. London, 1959, p. 37.

лам, которые не были принципами (а лишь правилами целесообразности)»²².

С другой стороны, неопозитивизм с его терпимым отношением к любой моральной доктрине открывает широкий простор мистицизму и религии. Если нет научных доказательств для выбора моральных норм, то остается руководствоваться теми непогрешимыми истинами, которые предписаны будто бы богом, опираться в своих действиях на веру, а не на разум.

Неопозитивисты, отрицая влияние этической теории на поведение людей, отрицают тем самым роль теории, способствующей формированию морали. Понимая этику, как «метаэтику», то есть как совокупность суждений не о фактах, а о высказываниях, неопозитивисты говорят о том, что этика нейтральна по отношению как к настоящему, так и к будущему поведению людей. Айер говорит, что мы сталкиваемся с тем фактом, что люди требуют от философов, занимающихся проблемами морали, ответа на вопрос, как они должны в дальнейшем жить, какова должна быть цель жизни и т. д. Вопросы эти, по мнению Айера, являются следствием ошибочного представления людей, что не все жизненные пути имеют одинаковую ценность, что между ними возможен выбор, и поэтому люди надеются найти в этике руководство для этого выбора. Но ни одна этическая теория, рассуждает далее А. Айер, не может ответить, какой жизненный путь правилен, поскольку решение этого вопроса лежит вне сферы эмпирических доказательств. А поскольку нет истинного ответа на вопрос о том, как дальше жить и чему следовать, «то бесполезно ждать, чтобы философ предвидел такой ответ»²³. Философ может, говорит Айер, дать определенные советы, рекомендации, но он не имеет права требовать или искать для этих советов философской санкции, ибо «он не может доказать, что его оценка правильна, по той простой причине, что ни одна моральная оценка не имеет доказательств»²⁴. Поэтому Айер считает глупым и самонадеянным того философа, который станет защищать ту или иную систему морали, ту или иную этическую теорию как истинную. Отрицая

---

²² J. Lewes. *Science, Faith and Scepticism*. London, 1959, p. 40.

²³ A. Ayer. *The Claims of Philosophy*. «Reflections on Our Age», p. 56.

²⁴ *Ibid.*, p. 62.

истинность любой системы морали, Айер говорит: «Я сомневаюсь, чтобы изучение моральной философии вообще имело какое-либо заметное влияние на поведение людей»²⁵.

Эту мысль не менее определенно выражает и Райхенбах. «Если философ скажет, что он знает, что такое высшее благо, или скажет, что у него есть доказательство, что это благо станет реальностью, — не верьте ему, однако... Не спрашивайте философа, что Вы должны делать. Прислушайтесь к своей собственной воле и попытайтесь соединить свою волю с волей других. В мире нет иной цели, или иного смысла, чем тот, который Вы в него вкладываете»²⁶.

Но жизнь на каждом шагу опровергает эти «доводы» неопозитивистов. На примере подлинно научной системы морали, созданной марксизмом-ленинизмом, люди убеждаются в способности этической теории влиять на поведение людей, направлять действия людей по пути свободы и прогресса, освобождать их разум от пут буржуазного мировоззрения, от предрассудков и лицемерия буржуазной морали.

---

²⁵ A. Ayer. On the Analysis of Moral Judgements. «Philosophical Essays», p. 249.

²⁶ H. Reichenbach. The Rise of Scientific Philosophy, p. 302.
